

НАШ ДРУГ МОЦАРТ

«ДЛЯ МЕНЯ Моцарт был лучшим другом и товарищем всей жизни, я ее прожил с ним, самым сложным и тонким, самым синтетическим из всех композиторов, стоявшим на вышке мировой истории, на перекрестке исторических течений и влияний», — так писал еще в 30-е годы нашего века автор книги о Моцарте, недавно вышедшей в Ленинградском отделении издательства «Музыка» (общая редакция, вступительная статья и комментарии Е. Ф. Бронфин).

Удивительная книга! И удивительный человек написал ее! О том, что наш прославленный нарком по иностранным делам Георгий Васильевич Чичерин был хорошим пианистом, страстно влюбленным в музыку — и больше всего в музыку Моцарта, — было известно давно. Но то, что раскрылось сейчас в его книге о Моцарте, буквально поражает читателя. Поражает поистине всеобъемлющей энциклопедической ученостью и в то же время страстной одержимостью музыкой, скрупулезным — до последней

нотки — знанием произведений «австрийского Орфея» и новаторски-смелой постановкой исторических и творческих проблем искусства...

По-своему необычна самая форма книги «Моцарт». Она выросла из письма, из «частного письма» Георгия Васильевича Чичерина брату Николаю (последний вариант этого письма сохранился у Б. И. Короткина, в свое время ближайшего сотрудника и секретаря Г. В. Чичерина).

Чичерин не предназначал своего «Моцарта» для печати. «В промежутках болезни, — так начинается «Письмо», — когда она чувствуется менее остро, набрасываю разрозненные мысли о Моцарте, как я это делал в Висбадене (где Чичерин лечился. — М. С.), и соединяю в одно целое составленные мною о нем еще в Висбадене записи и заметки. Это не исследование, не самостоятельный труд. Для меня они в данное время невозможны. Выписки плюс лирика».

Но Чичерин — по своей скромно-

сти и острому чувству самокритики — недооценивал своего «Моцарта». В его книге действительно много выписок из научной «моцартианы». Но это не равнодушно подобранная картотека «чужих мыслей», дабы спрятаться за спины авторитетов. Наоборот. Это — открытый вызов на дуэль, на спор — не только музыкальный, но и политический. Это цитаты-стрелы в руках автора — оружие в борьбе за подлинного Моцарта и против лже-Моцарта, против легенд о Моцарте, созданных буржуазным музыковедением почти за два столетия. Книга Чичерина проникнута боевым, наступательным духом. Чичерин восстает против фальсифицированного филлистерами, придуманного, «фарфорового» Моцарта, Моцарта-«рококо», целиком уместающегося в XVIII веке, против беззаботного, веселого «солнечного юноши», против Моцарта «игальянизированного». И, конечно же, против Моцарта вульгарно социологически препарированного «учеными», искавшими «непосредственную связь всякого диеза и бемоля с производством. Это — не марксизм, это невежество».

Для Чичерина Моцарт — художник, далеко перешагнувший через рубежи не только XVIII, но и XIX века. XVIII век, пишет Чичерин, отвернулся от Мо-

царта, он не понимал и не принимал его самых великих последних творений. Этим Чичерин, между прочим, объясняет трагическую гибель композитора: сильные мира сего, сиятельные меценаты забыли своего прежнего любимца, возненавидели его музыку и его самого и обрекли величайшего музыканта на голодную, преждевременную смерть.

Чичерин не устает повторять, что Моцарт современнейший композитор, больше того, композитор грядущего. Именно поэтому Чичерин все время «перебрасывает мосты» от Моцарта к нашим дням, к нашей современности. «Фурманов рассказывает в «Мятеже», — вспоминает Чичерин, — что на станции Сюгетах он поздно вечером «остался на крылечке... как было жутко, торжественно в молчаливых горах... прекрасное высокое строгое небо... я вдыхаю свежий горный воздух, и так мне легко, как отчего-то все и просто, и ясно, и посылно, я чувствую себя здоровым, уверенным, на все готовым».

«Это и есть Моцарт, — заключает Чичерин. — Крылечком Фурманова для меня был Моцарт... В реальной жизни сегодняшнего дня Моцарт делает (человека. — М. С.) уверенным, здоровым, на все готовым... Моцарт есть лекарство».

По Чичерину, Моцарт необычайной объективный художник. «Преодоление личного в коллективном есть то, что дает моцартовской музыке такую беспримерную силу подготовки к социализму».

Не в этих ли словах разгадка и объяснение того, как беззаветно преданный своему делу советский дипломат и беззаветно преданный Моцарту музыкальный писатель Чичерин умел не противопоставлять одно другому, а соединять их.

«У меня, — писал брату Георгий Васильевич, — была революция и Моцарт, революция — настоящее, а Моцарт — предвкушение будущего...» Революция помогла Чичерину понять до конца, до самых глубин музыку Моцарта. Революция же сделала Моцарта его помощником, спутником жизни и деятельности. «Мой лучший друг, мой единственный вполне настоящий друг» — так называл Моцарта Чичерин. Но любовь Чичерина не была эгоистической. Размышляя о «неслыханной сложности» музыки Моцарта (при внешней обманчивой простоте), Чичерин считает, что «массы его будут все больше понимать по мере того, как они будут все больше овладевать и общей культурой, и музыкальной». Чичерин мечтал, чтоб его «лучший друг» стал нашим общим лучшим другом. В этом — смысл и глу-

бокая значительность книги Чичерина о Моцарте. Много в ней — и это естественно — только намечено, только названо. Много может показаться спорным, преувеличенным. Но и это естественно — страстно любящий, да еще однолюб на всю жизнь, в увлечении может порой быть и несправедливым, недооценивать всех прочих, кроме своего, «предмета любви».

Кроме того, прошло уже более 30 лет со дня смерти автора «Моцарта». За эти три с половиной десятилетия наша музыка прошла большой и сложный путь, накопила опыт. «Исследовательский этюд» (только так соглашался Чичерин назвать свой труд о Моцарте) ныне не только нуждается в глубоком научном анализе, но и может побуждать к продолжению работы, так интересно и увлекательно начатой автором книги.

М. СОКОЛЬСКИЙ.

3 стр. ИЗВЕСТИЯ

№ 27 (16645)

Х 1 ФЕВ 1974